Антология ужасов

Дмитрий Чепиков

Мистические рассказы

Дмитрий Чепиков

Мистические рассказы

«Автор»
2026

Чепиков Д.

Мистические рассказы / Д. Чепиков — «Автор», 2026

В этом сборнике мистических рассказов Дмитрия Чепикова привычный мир постепенно теряет свои очертания, уступая место необъяснимому и пугающему. Здесь оживают старинные легенды, на заснеженных дорогах появляются загадочные путники, а за обыденными событиями скрываются тайны, которым нет рационального объяснения.Героям предстоит столкнуться с необъяснимыми явлениями, древними силами и собственными страхами. Каждый рассказ — это путешествие на границу видимого и невидимого, где реальность переплетается с мистикой, а разгадка порой оказывается страшнее самой тайны.

© Чепиков Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Архипов кордон 5
Чёртова переправа 8
Отголоски прошлого 12
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Дмитрий Чепиков
Мистические рассказы

Архипов кордон

Старый лесник Архип жил бобылем на дальнем таежном кордоне, у самого края необъятного торфяного болота. Место это долгое время считалось безымянным, просто «дальний обход», но со временем местные привыкли называть его Архиповым кордоном. Семьи у старика почитай что и не было: жена давно сгинула, а единственная дочь еще по молодости упорхнула в большой город. Выучилась, вышла замуж и к отцу в эту глушь заглядывала дай бог раз в пару лет. Гостей Архип не жаловал, жил угрюмым бирюком, понимая язык зверей и птиц куда лучше человеческого.

Впрочем, деревенские тоже не рвались водить с ним дружбу. В округе Архип слыл лешим и колдуном. Поговаривали, что он знается с нечистой силой, потому-то ни медведь его не трогает, ни гнус не кусает. Любые, даже вполне рядовые неприятности в деревне часто списывали на «дурной глаз» старого лесника. И, ради справедливости, основания для таких слухов имелись.

Был, к примеру, такой случай. Архип был знатным травником, собирал по тайге редкие коренья и травы, сушил их в своем сарае. Продавал он их через местного ушлого коммерсанта Валерку, который отвозил сборы в городские аптеки и частным знахарям. И вот однажды по осени кто-то сбил замок на сарае Архипа и подчистую вынес весь собранный за сезон запас ценных трав.

Понятное дело, Архип поначалу к участковому отправился, но не дошёл. Потому как в деревне увидел, что Валерка разъезжает на новеньком, сияющем внедорожнике. Старику не нужно было проводить расследование, чтобы сложить два и два. Коммерсанту не хватало на машину, и он из банальной жадности решил обогатиться за счет лесника: нанял кого-то, чтобы украсть товар, решив, что «старый черт еще насобирает». Имен исполнителей Архип не знал, но подошел прямо к Валерке, который как раз хвастался перед соседями обновкой.

— Подавишься ты этой жадностью, Валера, — тяжело роняя слова, произнес Архип. — И ты, и те руки, что мое добро по мешкам чужим пихали. Сгниете.

Развернулся и ушел обратно в лес. А через пару недель деревню встряхнуло. Двое местных забулдыг, которые всегда крутились возле валеркиного магазина, внезапно слегли. Какая-то неизвестная, скоротечная лихорадка буквально иссушила их за несколько дней, и оба отправились на погост — врачи из райцентра только руками развели. Что же до Валерки, то радость от новой машины была недолгой. Оказалось, он кинул на деньги не только Архипа, но и своих городских партнеров по бизнесу. Те подали в суд, вскрылись крупные махинации. Валерка лишился всего имущества, включая тот самый внедорожник, и уехал в колонию общего режима на долгий срок.

Другую историю об Архипе я услышал от знакомого егеря. Как-то летом на край болота приехала компания городских туристов. Разбили лагерь, врубили на полную мощность музыку из машин, начали палить по бутылкам и птицам, накидали мусора. Архип вышел к ним из чащи и мрачно предупредил, что тайга шума не любит, и попросил убраться. На что подвыпившие туристы лишь обматерили старика, а один даже в шутку прицелился в него из ружья.

Архип бровью не повел. Только процедил сквозь зубы: «Смотрите, как бы лес вам ноги за такую дерзость не переломал», — и растворился в зарослях.

На следующий день туристы, мучимые похмельем, свернули лагерь и поехали обратно. На крутом глинистом спуске их джип соскользнул с колеи, перевернулся несколько раз и рухнул в глубокий овраг. Погибнуть никто не погиб, но хватились их только через сутки. Когда до них добрались спасатели, все были в жутком состоянии, с тяжелейшими переломами и другими травмами. После этого случая местные вообще перестали ходить в сторону Архипова кордона.

Я любил те суровые, нетронутые места. Попасть туда было непросто — территория граничила с заповедником, требовался специальный пропуск. Но я поддерживал связь с одним знакомым егерем, который и помогал мне с нужными бумагами. Мы изредка созванивались, и вот однажды он мрачным голосом сообщил, что на болотах творится чертовщина. Архипов кордон вымер. Я взял отпуск и через неделю трясся в "УАЗике" по таежной грунтовке, чтобы увидеть всё своими глазами.

По дороге егерь рассказал мне, что произошло.

Прошлым летом к Архипу наконец-то приехала дочь, да не одна, а с новым мужем. Городской пижон, охочий до свежих впечатлений, решил побродить по окрестностям с фотоаппаратом. Архип предупреждал его не соваться к трясине, но тот не послушал. Зашел слишком далеко, оступился с твердой тропы и провалился в скрытое торфяное окно. Зятя затянуло в топь быстрее, чем тот успел позвать на помощь.

Когда Архип с дочерью нашли то место, на поверхности зеленой ряски плавала только кепка.

Смерть зятя сломала старика. Трагедия была нелепой, страшной в своей естественности. Архип всю жизнь защищал этот лес, любил его, служил ему верой и правдой, а тайга предала его, отняв у дочери мужа. Архип постарел за одну ночь. Дочь, которая, кстати, горевала намного меньше отца, увезла его в город, подальше от проклятого места. Но в бетонных стенах старик, привыкший к хвойному духу, начал задыхаться, кашлять и таять на глазах. Через полгода он умер.

А перед смертью, в бреду, проклял то самое болото, кордон и весь лес, который так вероломно с ним обошелся.

Оставив машину на просеке, я прошел последние три километра до кордона пешком. Чем ближе я подходил, тем тяжелее становилось дышать.

То, что я увидел, навсегда врезалось мне в память. Избушка Архипа стояла серой, покосившейся сиротой. А за ней начинался мертвый лес. Могучие сосны и ели почернели, лишились хвои и стояли голыми, как обгорелые спички, ряды которых уходили глубоко в туманную дымку над болотом. Вода в трясине приобрела ржавый, маслянистый оттенок. Ни единого звука не было вокруг: ни криков птиц, ни комариного звона, ни всплеска. Звенела абсолютная, противоестественная тишина.

А еще в воздухе висел плотный, удушливый запах гниения и сероводорода, от которого слезились глаза.

Конечно, ученые из района потом объясняли это мощным выбросом болотного газа — метана, который отравил почву и погубил растительность. Вполне возможно, что так оно и было. Природа порой выкидывает и не такие фокусы. Вот только местные жители ни на секунду не сомневаются: это Архип забрал жизнь у места, которое забрало жизнь у его семьи.

И, стоя на краю этого гниющего, мертвого леса, я поймал себя на мысли, что верю им больше, чем ученым.

На следующее утро я уехал в город. Больше на Архипов кордон я не возвращался, да и желания такого у меня никогда не возникало.

Чёртова переправа

Если вы спросите любого из старожилов нашего поселка, почему они предпочитают отмахать три лишних километра до места, где овраг сужается так, что через него можно просто переступить, вместо того чтобы напрямик пересечь по мосту, вам вряд ли ответят честно. Скорее всего, отмахнутся или пробурчат что-то невнятное про прогнившие доски и ненадежные тросы. Но настоящая причина всегда скрывалась в другом.

Старый подвесной мост пугал людей до дрожи. Ему даже не стали придумывать какое-нибудь цветастое, леденящее душу название в духе «Чертовой переправы» или «Вдовьего шага» — для всех он был просто Мостом. И ходить по нему считалось самой верной приметой к беде. Понятное дело, деревенские бабки вечно болтают невесть что, но ведь и суровые мужики-охотники, не боявшиеся ни медведя, ни лесного пожара, старались обходить это место десятой дорогой. Мой собственный дед, чей дом стоял на самом краю леса, и вовсе считал этот скрипучий переход «гиблым». И лишь недавно у меня появилась одна догадка, полностью объясняющая всю ту чертовщину.

Сколотили мост черт знает когда, еще до революции. И говорят, что странности там начались давно: однажды кто-то из лесорубов встретил на том мосту лешего. Во лбу у него горел ослепительный, как маленькое солнце, третий глаз. Одежда была странная, блестящая, неестественно яркого цвета. Леший пил воду из диковинного прозрачного пузыря и был такой спокойный, такой умиротворенный, будто и не замечал холодного осеннего дождя.

Лесоруб от ужаса топор выронил. Откуда в нашей глухомани взяться такому чудищу? Стал тот мужик всем рассказывать про эту встречу, но над ним только смеялись, списав всё на белую горячку. История эта так и передавалась от стариков детям, и сейчас у нас известна всем. Даже те, кто про мост не знает, хоть раз слышали о «светящемся лешем».

А вот история посвежее: шла тётя Нина с дальних покосов. Корзины тяжелые. Спина ноет. Решила срезать через мост, а ей навстречу идет дядя Миша — сосед наш, рыбак заядлый. Идет не спеша, болотники на ногах сырые, на плече удочки несет.

— Здравствуй, Миш! — окликнула его тётя Нина.

— Здорова, — буркнул он, глядя куда-то себе под ноги. Сошла она с моста на твердую землю, и тут всё у нее из рук и посыпалось.

Михаила-то похоронили месяц назад. Он же на порогах перевернулся в лодке в конце апреля! Тётя Нина чуть в овраг не скатилась, когда это осознала. «А может, и не он был... Он, он! С кем его перепутаешь? Он один в такой рыжей штормовке ходил».

Дошли эти слухи до его вдовы, которая и так убивалась горем. И стала она на этот мост ходить. Придёт и стоит там, опершись на перила, по нескольку часов в туман вглядывается. Совсем с ума сошла... Её брат, когда узнал, силком увел оттуда со скандалом. Больше она за калитку не выходила. И года не прошло, как сама преставилась. Говорят, тоска съела. Говорят, говорят... Всякое болтают.

А тут бабка Шура следующей осенью за грибами пошла. Она отроду ни в бога, ни в черта не верила. Ступает бабка на скрипучие доски и видит знакомый силуэт в утренней дымке. Женщина стоит, всхлипывает. Бабка Шура замерла и глазам не верит. Не может такого быть!

— Валя, ты, что ли? — спрашивает.

— Я, теть Шур, — ей отвечают.

— А чего ты тут на ветру стоишь? — еле прохрипела бабка, ноги к доскам будто приросли.

— Мишу жду... С рыбалки, — ответила женщина.

Бабка развернулась, ведра побросала и рванула через кусты. До вечера она потом по дворам ходила, соседям рассказывала. И на следующий день все болтали, что на мосту покойница Валя стояла, мужа-утопленника ждала.

— Так что же они там всё никак не встретятся?

— А как им встретиться? Мишка-то без покаяния помер, а Валька умом тронулась, кто знает, куда ее душа делась!

Я в детстве тоже верил, что мост этот нехороший. Пойдем с пацанами к оврагу. Положим на доски еловую шишку. Кто ее пнет дальше к середине моста, тот и герой. А забирать страшно... А когда я уехал в город и поступил на первый курс, то сделался упрямым скептиком и материалистом. В людях меня стало раздражать любое проявление суеверий или деревенской дремучести. Подтрунивал я теперь над дедом каждый раз, как приезжал на каникулы. Он мне калитку открывал и сразу, прищурившись, спрашивал:

— Через мост шел?

— Через мост! — отвечал я.

— Дурак! — ругался дед и сплевывал под ноги, оглядывая меня так, будто я на плечах вурдалака притащил.

Дед мой был бывшим егерем. Жилистый, пропахший костром и махоркой. Лицо всё в глубоких морщинах, а взгляд острый, как у ястреба. Когда я был маленьким, дед мне много жутких баек про лес рассказывал. А когда и суровые охотничьи истории, от которых кровь стыла. Бывало, что и браконьеров материл так, что уши сворачивались. Бабушка тогда крестилась и гнала его веником в сени, чтобы «душу ребенку не чернил». Одиноко стало деду, когда бабушка умерла. Сдал он как-то разом, высох.

— Дед, ну вот ты мне объясни: на мосту, как ты говоришь, мертвяки бродят. А леший тут при чём? Лешие в лесу должны быть, да и фонарей у них во лбу не бывает, — дразнил я старика, сидя на веранде. Бывало, мне самому хотелось его раззадорить, если он долго молчал.

— Ты думаешь, это люди неупокоенные? Не они это вовсе, — серьёзно ответил дед.

— А кто? — усмехнулся я.

— Нечисть, — шептал мне дед. — Ты ворона видел?

— Какого ворона?

— Который на столбе справа сидит.

Дед имел в виду один из здоровенных столбов, на которых держались тросы моста. И правда, частенько там сидел крупный черный ворон с приметным белым пером в хвосте.

— Ну и что ворон? Мало ли птиц? — спрашивал я.

— Бес это! — отвечал дед и стучал костяшками пальцев по столу. — Когда я молодым был, только после армии вернулся, повадился этот ворон у нас со двора блестяшки таскать. То блесну утянет, то ложку.

— Вороны столько не живут, дед, — напомнил я, понимая, что он опять заводит старую пластинку.

— Вот он и сдох! Очень давно. Я его и нашёл, вон там, за баней. А потом в овраг скинул, — старик кивнул в сторону окна.

— Дед, что ты мне сказки рассказываешь? Другая это птица. Мало ли пернатых бракованных, — говорил я, уже жалея, что завел этот разговор.

— Это нечисть облик принимает. И леший тот был не леший. Он чего такой умиротворенный воду пил? Радовался, что скоро лес рубить начнут, что места гиблые станут. От этого бесам в радость. Вот и ворон — то жирный сидит, перья лоснятся, а то облезлый, старый... Теперь он только на этом мосту и околачивается. Почему же он нигде больше не летает, потвоему?

— Ты откуда это знаешь, если сам на мост ни ногой? — спросил я. Дед мне на это ничего не ответил, только махнул рукой и ушел в дом курить.

Жить деду оставалось недолго. Дом его старел вместе с ним. Крыша прохудилась, венцы нижние подгнили. Я уговаривал его перебраться ко мне в город, но куда там — старое дерево не пересадишь. Так и не уехал.

И вот однажды поздней осенью... Деда уже не было, а мост еще висел, скрипел на ветру... Я шел на кладбище, навестить могилы, и по привычке двинул через овраг по доскам. Было там зябко, от реки поднимался густой туман. Вижу: торчит между рассохшихся досок яркий предмет. Присмотрелся — дорогой японский воблер, ядовито-зеленого цвета, блестящий. Я его аккуратно вытащил, отряхнул от трухи и воткнул крючком в столб у моста на уровне глаз, чтобы хозяин сразу заметил, если вернется искать.

Потом сошел с моста на тропинку. А мне навстречу идет мужик из приезжих. В дорогой непромокаемой куртке, с крутым спиннингом, на груди — разгрузочный жилет. И сразу мне в глаза бросился ядовито-зеленый воблер, прицепленный к карману его жилета. Точно такой же, какой я минуту назад вытащил из щели.

— Вы блесну не ищете? — спросил я его. — Там, у моста, кто-то такую же потерял.

— Что? — мужик остановился и внимательно посмотрел на меня. Вид у него был озадаченный.

— Воблер, говорю, не теряли? — засомневался я.

Мужик опустил глаза и с облегчением выдохнул.

— Да нет, вот же он, мой уловистый, — сказал он и потрогал блесну пальцем, будто убеждаясь, что она на месте. Потом посмотрел на меня с подозрением. Я поспешил извиниться. Мужик пробормотал что-то вроде «бывает» и пошел дальше. А крючок на его жилете так опасно болтался на надорванной петельке...

Я смотрел, как рыбак ступает на качающиеся доски, и в голове вдруг словно щелкнул невидимый тумблер. Все эти жуткие байки, дедовские страшилки про нечисть, моя находка — всё это разом сложилось в одну логичную, хоть и невероятную картину. Он ведь не терял блесну в прошлом. Он потеряет ее прямо сейчас, дойдя до середины оврага. А я нашел ее на полчаса раньше.

А что, если над этим оврагом время текло не по прямой? Что, если из-за какого-то природного сбоя, пространственной аномалии, года и эпохи здесь нахлестывались друг на друга, как складки на ткани? Люди шагали на мост и сквозь туман на пару мгновений видели тех, кто шел здесь годы назад — или пройдет через десятилетия.

Не было никаких призраков. Вдова Валя видела на досках вполне живого мужа — просто из того времени, когда он еще не утонул в бурной реке. Дедовский ворон был самой обычной птицей, просто порхал сквозь эти временные петли, появляясь в разные годы. Ну а «леший» со светящимся третьим глазом? Боже, да это же обычный современный турист! С налобным светодиодным фонариком, в яркой мембранной куртке, пьющий минералку из пластиковой бутылки. Для лесоруба начала двадцатого века — чистый демон. Понятно, почему этот «леший» улыбался — он просто любовался красивым пейзажем.

Доказать эту теорию я уже никому не смогу, да и не пытаюсь. Природа в итоге сама стерла эту ошибку. Пару лет назад, во время сильного весеннего паводка, глинистый берег подмыло. Сгнившие столбы не выдержали, и старый мост с грохотом рухнул, унеся с собой и свою тайну.

Местные вздохнули с облегчением. Вскоре чуть в стороне соорудили широкую современную переправу, и никакой чертовщины там больше не происходит. Вот только иногда, приезжая на могилу к деду и стоя на краю оврага, я вглядываюсь в сырую дымку. Всё жду — не каркнет ли оттуда старый ворон с белым пером, навсегда застрявший где-то между прошлым и будущим.

Отголоски прошлого

Дом у моря я продавал несколько лет. Оказывается, сделать это не так-то просто. Это не студия в спальном районе, которую отрывают с руками под сдачу туристам. И не типовой таунхаус. Это был большой, сложный дом на скалистом склоне. Я руководил его постройкой сам, вложил кучу нервов в подпорные стены, дренаж и панорамные окна, чтобы с террасы открывался вид на свинцовую гладь залива.

Но рано или поздно продавец и приобретатель находят друг друга. После вереницы капризных риелторов и сомневающихся клиентов нашлись мои идеальные покупатели. Солидная пара с годовалым сынишкой. Он — грек по имени Николас, бывший капитан чартерных яхт, крупный, седеющий мужик с обветренным лицом, решивший на старости лет осесть на твердой земле. Она — наша, местная, Аня. Тихая, улыбчивая женщина, явно искавшая для своей семьи идеальное гнездышко.

Правда, с переводом денег из-за границы из-за банковских проволочек пришлось повозиться почти два месяца, но в конце концов всё разрешилось. И греко-русская семья, вместе с огромным, надменным абиссинским котом по кличке Рамзес, въехала в мой бывший дом.

Я приехал на передачу ключей. Мы выпили по чашке кофе на залитой солнцем террасе. Я показал Николасу, где перекрывать воду, как чистить фильтры в бассейне, как регулировать теплые полы, пожелал им счастливой жизни и благополучно о них забыл, погрузившись в свои дела.

Аня позвонила мне спустя полтора года. Был вечер пятницы, я как раз возился в гараже — перебирал карбюратор на старом лодочном моторе. Руки были по локоть в масле, поэтому трубку я не взял, а сбросил дежурное СМС: «Занят, наберу позже».

Перезвонил уже часов в восемь, отмывшись и сидя на своей новой кухне. После стандартных вежливых расспросов про то, как растет малыш, как дом перенес зимние шторма, Аня вдруг замолчала. В трубке было слышно только ее прерывистое дыхание.

А затем она осторожно, словно боясь, что ее кто-то подслушивает, спросила:

– Вы в доме ничего необычного не замечали, пока жили?

– Нет, – искренне ответил я. – Обычный дом. Сухой, фундамент крепкий, плесени нигде нет. А что стряслось? Крыша потекла?

Аня замялась, вздохнула, а потом выдала, что месяца два назад в доме началась какая-то откровенная чертовщина. Началось с мелочей. По утрам на деревянной дубовой лестнице, ведущей со второго этажа, стали появляться небольшие лужицы соленой воды. Сначала грешили на конденсат или на то, что кто-то пролил минералку. Но лужи появлялись каждую ночь.

А потом добавились звуки.

По ночам по первому этажу кто-то ходил. И это были не просто скрипы половиц, которые свойственны любому дому. Это было мокрое шлепанье босых ног. И запах. Отвратительный запах гниющих водорослей, застоявшейся морской воды и резкого йода, который заполнял гостиную, но к утру бесследно исчезал.

– Понимаете, мой муж, конечно, верит во всякие приметы, но... связанные с морем, – голос Ани дрогнул, она почти плакала. – Он полагает, что на суше всякого такого не бывает. Но тут даже его проняло. Он на прошлой неделе ночью спускался за водой на кухню. И видел в коридоре, у панорамного окна, силуэт. И слышал, как кто-то кашляет. Знаете, так страшно... глубоко, захлебываясь водой.

– Силуэт мужской или женский? – уточнил я, пытаясь перевести разговор в практическое русло.

– Он сказал — детский. Вернее, подростковый, – всхлипнула Аня. – У вас тут никто не тонул поблизости? Может, на участке что-то было до вас?

– До моря два километра вниз по серпантину, – резонно заметил я. – Участок я покупал голый, там только колючки росли. Дом строил с нуля. Никаких призраков там отродясь не было. Аура там самая светлая... была.

– Я боюсь тут спать, – призналась она. – Муж тоже не спит уже неделю, сидит в кресле до утра. Ребенок, слава богу, пока не просыпается, но мне страшно. Мы уже и батюшку местного звали, углы святой водой кропили — не помогло. Стало только холоднее. Что нам делать?

– Я приеду часам к одиннадцати, – пообещал я, глядя на часы. – Посижу, посмотрю, что за ихтиандр у вас там завелся.

Аня горячо и сбивчиво поблагодарила, сказав, что еще тогда, при продаже, обратила внимание на то, какая у меня «очень спокойная, защитная энергетика», и что ей сразу стало легче.

Я хмыкнул, положил телефон на стол и пошел в спальню объяснять жене Маше, что сегодня у меня внеплановая ночная смена по экзорцизму на старом адресе. Маша, отложив книгу, покрутила пальцем у виска. Объяснить ей всю абсурдность ситуации удалось, только поклявшись здоровьем собаки, что у меня нет романа с молодой хозяйкой дома и что я не собираюсь пить с ее мужем-греком до утра.

К одиннадцати вечера я припарковался у своего бывшего забора из бутового камня. За полтора года дом почти не изменился, только разрослась бугенвиллея у входа.

Встретил меня Николас. Выглядел он, прямо скажем, паршиво: плечи ссутулились, лицо осунулось, под глазами залегли глубокие, черные тени. Он молча пожал мне руку — ладонь у него была ледяная.

Мы прошли в гостиную. Аня уже уложила ребенка и сидела на диване, наглухо закутавшись в толстый шерстяной плед, хотя в доме работал климат-контроль и было тепло.

– Вот, – Николас устало указал рукой на дубовые ступеньки. – Начинается всегда оттуда. Примерно в полночь. Как будто кто-то поднимается снизу, из цоколя, хотя там заперто.

Я оглядел комнату. Мой старый диван они заменили на светлый итальянский, добавили морского декора, но в целом это был мой дом. Только теперь в нем было неуютно. Воздух казался наэлектризованным, как перед грозой.

– А кот ваш как на всё это реагирует? – спросил я. – Животные обычно первыми чуют неладное.

– А вот так... – Аня кивнула в сторону кухонного гарнитура.

Рамзес, этот бесстрашный абиссинский хищник, сидел на самом верху высокого холодильника. Он вжался в стену, слившись в единый рыжий комок, и смотрел в сторону темного коридора огромными, черными от неконтролируемого ужаса зрачками. Хвост его нервно подрагивал.

– Это не мое, ребят, – после долгой паузы твердо сказал я. – У меня дом чистый. Мебель не сырела, луж не было, и пахло у меня только кофе и лавандой, которую жена сушила.

– Что же нам делать? – Аня обняла себя за плечи. – Съезжать? Продавать дом? Мы только ремонт закончили…

– И мне здесь... тошно, – вдруг добавил Николас, и в его голосе прозвучала такая глубокая, глухая тоска, что мне стало не по себе.

– Идите спать, – решительно вздохнул я. – А я тут подежурю. Попытаюсь с вашим утопленником договориться.

Николас посмотрел на меня с уважением. Они с Аней не стали спорить, послушно встали и ушли наверх. Вскоре скрип шагов стих.

Я остался один в просторной гостиной. За окном в темноте шумел ветер, раскачивая кипарисы. В доме стояла звенящая тишина. Я устроился на барном стуле у кухонного острова. Просидел так около часа, листая новости в телефоне, отвечая на смешные картинки, которые присылала Маша.

Наконец, мне захотелось пить. В баре у Николаса, прямо на столешнице, стояла пузатая бутылка дорогой греческой Метаксы. Соблазн был велик, но я вспомнил про клятву Маше и про то, что мне еще рулить по ночному серпантину. Я открыл холодильник, нашел начатую бутылку «Боржоми» и налил себе в стакан.

И тут резко похолодало.

Температура упала так стремительно, что кожа на предплечьях мгновенно покрылась мурашками, а изо рта при выдохе едва не вырвался пар. Абсолютная тишина нарушилась гулом. И тут же ударил запах. Не тот приятный бриз, что бывает на ухоженном пляже, а запах сырого, темного, мертвого дна. Запах шторма, тины и гниющей рыбы.

Я замер со стаканом в руке. Возникло стойкое, давящее ощущение, что в комнате кто-то есть.

Я медленно, стараясь не делать резких движений, обернулся к барной стойке.

Напротив меня, на соседнем высоком стуле, кто-то сидел.

Его не было видно четко. Воздух там просто дрожал и струился, преломляя свет от кухонной вытяжки, как бывает, когда смотришь сквозь толщу воды. Силуэт был сгорбленным, некрупным. Стул под этим маревом был отчетливо мокрым. По деревянной ножке, оставляя темный след, медленно ползла вода, падая на керамогранит: кап... кап... кап...

Я заставил себя поднять стакан и сделать глоток минералки. Пузырьки колко обожгли пересохшее горло. Это помогло прийти в себя.

– Значит так, – негромко, но твердо сказал я пустоте. – Ситуация получается крайне некрасивая. Я продал хорошим людям нормальный, качественный дом. А ты им тут сырость разводишь, по ночам шастаешь и нервы мотаешь. Они думают, что это мой косяк постройки.

Водянистое марево дрогнуло. Раздался тихий, булькающий звук, похожий на влажный всхлип. Стало еще холоднее.

– У меня к тебе просьба, – продолжил я, глядя прямо в центр этого струящегося контура. – Оставь их в покое. Там ребенок маленький наверху спит. Ему расти надо. Женщина на нервах

вся. Кота, вон, вообще до невроза довел, животное скоро поседеет. Не ходи здесь больше. Пожалуйста. Договорились?

Прозрачный силуэт качнулся вперед. И вдруг прямо у меня в голове, перекрывая шум ветра за окном и гудение холодильника, прозвучал хриплый, сорванный, полный отчаяния шепот:

– Ναι... (Да)

– Вот и отлично. Спасибо, – коротко кивнул я.

Меня колотило от холода. Я подошел к блоку управления теплым полом, выкрутил реле на максимум. Затем приоткрыл панорамное окно, впуская теплый ночной воздух, чтобы выветрить невыносимый запах йода.

Когда я обернулся к стойке, марево исчезло. Запах растаял. Только кожаное сиденье стула оставалось влажным, да на полу блестела маленькая лужица.

Сверху послышались торопливые шаги. По лестнице спустился Николас.

– Вы включили отопление? – напряженно спросил он, озираясь.

– Да, у вас тут сквозняки жуткие, – виновато улыбнулся я. – Решил согреться.

– Удалось... поговорить? – грек понизил голос до шепота, глядя на мокрый стул.

– Удалось, – кивнул я. – Как я и говорил, это не мой призрак, Николас. Вы его с собой привезли. С моря. Но мы договорились, он больше вас не потревожит.

– Правда? – в глазах крупного мужчины мелькнула почти детская надежда.

– Правда. Но есть одно условие. Каждый вечер наливайте небольшую рюмку темного рома и ставьте на подоконник. За тех, кто остался в море. Дань уважения. И тогда никаких луж и шагов не будет.

Николас нервно сглотнул, кивнул и пообещал завтра же купить ящик лучшего карибского рома. Я попрощался, сел в машину и поехал домой по ночному серпантину. Дома было тепло и пахло выпечкой.

***

С Николасом мы случайно столкнулись спустя полгода на центральном рыбном рынке. Был ранний вечер выходного дня, вокруг шумела толпа, пахло льдом, укропом и свежим уловом. Я придирчиво выбирал барабульку у знакомой торговки, а он покупал здоровенную дорадо по соседству.

Он узнал меня первым. Обрадовался, как родному брату.

– Добрый день! – он крепко пожал мне руку, расплывшись в широкой улыбке. – Все хотел вам позвонить, да как-то неудобно было отвлекать. Все точно, как вы сказали! В доме сухо, шагов нет, Аня расцвела. Кот снова обитает не только на холодильнике.

– Ром ставите? – улыбнулся я в ответ.

– Ставлю, как штык! – кивнул Николас. – Никто его не выпивает, конечно. Утром выливаю в раковину, вечером наливаю новый. Аня даже специальный красивый бокал для этого купила.

– Вот и правильно, – похвалил я. – Пусть стоит. Ром от морских духов — лучшее средство. Рад, что у вас всё наладилось.

Николас замялся. Улыбка сползла с его лица, он вдруг как-то резко постарел, плечи снова опустились.

– Да, в доме тихо... – вздохнул он, глядя себе под ноги на мокрый асфальт. – Только вот сны. Кошмары меня теперь душат каждую ночь. В молодости было такое, потом, вроде, прошло, забылось. А теперь вернулись с новой силой. Каждую ночь одно и то же. Черная, кипящая вода... и обрубленный швартовочный трос в руках. Я просыпаюсь в холодном поту и не могу дышать.

Мне вдруг стало невыносимо жалко этого крепкого, уставшего мужика. Человека, который совершил в панике ошибку и платил за нее всю жизнь.

Я огляделся. Торговки ругались из-за весов, шумели покупатели. Я шагнул к Николасу вплотную, чуть наклонился, чтобы мои губы оказались у самого его уха, и тихо, но предельно твердо произнес:

– Тот молодой юнга. Которого смыло за борт, когда ты приказал рубить снасти в шторм у берегов Крита. Он не утонул.

Николас оцепенел. Он перестал дышать, пакет с рыбой едва не выпал из его ослабевших пальцев. Его лицо стало пепельно-серым.

– Он тогда чудом выжил, подвернулся ему оторвавшийся пластиковый буй, – уверенно и ровно продолжил я плести спасительную ложь. – Продержался на воде до утра. Его подобрал кипрский рыболовный траулер. Он выжил. Вырос, женился, много лет работал диспетчером в порту в Лимассоле. Умер совсем недавно, сердце прихватило. Твоей вины в его смерти нет. Слышишь? Ты никого не убивал в ту ночь. Так что спи спокойно, капитан.

Я сделал шаг назад. Похлопал его по окаменевшему плечу, посмотрел в широко раскрытые, полные слез глаза.

– Передавай привет Ане, – сказал я, развернулся и пошел к выходу с рынка, затерявшись в толпе.

Вечером дома мы с Машей поужинали моей барабулькой, посмотрели детективный сериал и отправились спать. Когда она уснула, я полежал еще минут двадцать в темноте, послушал ее ровное, спокойное дыхание, а затем тихо, стараясь не скрипеть кроватью, встал.

Прошел на утепленную лоджию, где у меня было оборудовано подобие кабинета. Прикрыл за собой дверь. Включил настольную лампу, направив желтый свет на деревянную столешницу. Достал из нижнего ящика стола два куска толстого, чуть потертого капронового троса.

– Ну что, садись, – сказал я вполголоса, глядя на пустой стул напротив. – Продолжим.

Воздух над стулом неуловимо дрогнул, по ногам потянуло ледяным сквозняком, а на лоджии отчетливо запахло свежим, глубоким морем.

– Зачем ты ему наврал? – спросил хриплый, ломающийся подростковый голос. Вода больше не булькала в его горле, он говорил ясно, хоть и очень тихо.

– Потому что он себя заживо сожрал за эти годы, – ответил я, неторопливо завязывая на тросе начальную петлю. – Он тридцать лет этот обрубленный канат во сне видит. И жена его от этого страдает. И сын будет страдать, глядя на дерганого отца. Хватит с него. Ты умер, парень. Это трагичный факт, его уже никак не изменишь. Но живым надо жить.

– Врать плохо, – упрямо и обиженно сказал голос.

– Зато милосердно, – парировал я. – А у нас с тобой жесткий уговор. Ты их больше не кошмаришь, сидишь тихо, а я за это трачу на тебя свое время и учу полезным вещам. Так что не отвлекайся. Смотри внимательно. Это беседочный узел, он же булинь. Король узлов. Незаменимая вещь на флоте, не затягивается намертво под нагрузкой.

Я медленно продел свободный конец веревки в петлю, обвел вокруг коренного конца и пропустил обратно.

– Знаю я, что такое булинь. Но зачем мне русские названия узлов? – вздохнул невидимый призрак, и по стеклу лоджии скользнула капля конденсата. – Я же грек. Да и зачем мне теперь узлы вообще? Я мертвый.

– А затем, братец, что я по-гречески ни бельмеса не понимаю, кроме слова "нэ", – усмехнулся я. – Ты теперь сухопутный, прописан у меня на лоджии, на полном пансионе. Так что учи матчасть на том языке, на котором преподают.

Со стороны это, наверное, выглядело как абсолютное, клиническое безумие. Глухая ночь. Взрослый мужик в домашней футболке и трениках сидит на балконе своей квартиры и на полном серьезе показывает пустому стулу, как вязать морские узлы, переговариваясь с кем-то невидимым вполголоса, чтобы не разбудить жену.

Я бы, наверное, и сам подумал, что у меня поехала крыша от переутомления на стройках, а голос — плод моего воображения. Наверное, так бы оно и было.

Если бы не одно существенное «но».

Каждый раз, около полуночи, когда я заканчиваю свой «урок», выключаю лампу и убираю веревки обратно в стол, я беру пару бумажных полотенец и протираю пол под соседним стулом.

И каждую ночь я собираю там маленькую, влажную горстку черного, искрящегося вулканического песка. Иногда в этом песке попадаются крошечные, размером с бисеринку, перламутровые ракушки. И я без всяких экспертиз знаю, что такие ракушки и такой песок невозможно найти на нашем побережье Черного моря. Их прибивает волнами только к черным, выжженным солнцем пляжам острова Санторини, что в самом сердце Эгейского моря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.